

Каждый день – это отдельная история

Книги Кристи Вольф, много лет прожившей в ГДР, – “Размышления о Кристе Т.”, “Расколотое небо”, “На своей шкуре” и многие другие, сразу же превращались в бестселлеры. В прошлом году писательница стала первым лауреатом Литературной премии Германии. Вручавший ее Гюнтер Грасс назвал Вольф “писательницей мирового уровня”. В конце сентября в издательстве “Люттерханд Литературферлаг” в Мюнхене вышла ее последняя, самая необычная книга “Один день в году. 1960 – 2000”. В ней 74-летняя писательница рассказывает о том, что случилось 27 сентября сорок один год подряд.

– Фрау Вольф, последнее предложение в вашей книге “Один день в году” звучит так: “Выключите свет”. Гёте, умирая, сказал: “Больше света!” Почему вы выбрали для книги такой черный финал?

– Вы слишком углубились в интерпретации. Я описываю в своей книге 41 день (по одному дню из каждого года), каждый раз то, что происходило в течение дня. Ее основой служат повседневные события. И большинство из моих описаний дня кончались тем, что я засыпала. Иначе говоря, у фразы “Выключите свет”, написанной 27 сентября 2000 года, очень банальный смысл.

– Вы начали свою книгу в 1960 году, каждый раз в этот день подводя своеобразный баланс и с протокольной точностью записывая все обязанности, размышления, мечты и воспоминания. Так получилась книга, состоящая из 650 страниц. Вы горды тем, что она появилась, или вы удивлены этим?

– Гордость здесь ни при чем. Это слово совсем не подходит, когда дело касается моей работы. Я была очень удивлена тем, что в результате получилась такая толстая книга. Я долго не могла решиться ее напечатать, поскольку не понимала, подойдет ли она вообще для публикации.

– Как у вас возникла идея выбрать один день и описывать его из года в год?

– Эта идея возникла под влиянием Максима Горького. В 1935 году он опубликовал обращение в газете “Известия”, в котором призывал всех писателей в мире описать “день мира” – каждому свой, – это было имен-

но 27 сентября. Известны многие тексты, которые после этого были написаны. Но я не знаю, появились ли в результате антология. Спустя десятилетия, в 1960-м, об этом узнала редакция одного из журналов и повторила призыв.

– И к вам тоже обратились?

– Поначалу призыв меня очень развеселил, но потом я села и написала об этом дне – 27 сентября 1960 года. Ко мне больше ни разу не обращались с подобной просьбой, но она стала для меня своего рода обязанностью. Возникло нечто среднее между болезненной страстью и желанием добросовестно исполнить свой долг. Просто невозможно остановиться. Сейчас я опять описываю 27 сентября.

– Вы как-то говорили о “потенциале для рассказа”, который содержит повседневная жизнь. Что вы имели в виду?

– Я обратила внимание, что в своих текстах – от ранних, например от “Июньского полдня”, до самых последних – с удовольствием прослеживаю структуру какого-нибудь дня. В “Июньском полдне” я нашла свой тон и свой писательский стиль – это было описание повседневной жизни семьи, близкое к реальным событиям. Каждый день – это отдельная история. Каждый человек мог бы сделать рассказ из любого прожитого им дня, и его структура была бы просто идеальной. Мне нужно постоянно наблюдать повседневную жизнь, чтобы не терять квалификации и поддерживать иммунитет против “профессиональной слепоты”, которой страдают многие писатели, не замечающие того, что вокруг них творится.

Фото из журнала “Шпигель”

К. Вольф

– Вы однажды признались, что “не всегда можете выдумывать”. Разве бывают писатели, которые не умеют этого делать?

– Иногда так и получается. Например, в романе “На своей шкуре” я использовала записи, которые сделала во время пребывания в больнице в 80-х годах. Конечно, в эти воспоминания я добавила несколько вымышленных людей и придумала часть событий.

– В ваших книгах часто описывается конфликт между мечтой о социальной справедливости и тем, что вы в своих произведени-

ем Вольфа Бирмана гражданства, постоянно держали меня в напряжении, а потом из-за этого возникали болезни.

– Вы очень сурово обходитесь с собой, когда констатируете свою зависимость от доброжелательного отношения других, особенно от признанных авторитетов или критиков. Вы не боитесь, что станете из-за этого уязвимой? Вас не пугают упреки и определение “писательница, преданная режиму”?

– Конечно, меня не оставляют такие мысли, поэтому я не сразу обо всем этом написала. Но моя семья и друзья сделали меня мужественной и посоветовали быть открытой. Знаете, если схватился за осиное гнездо, надо быть твердым и выдержать все. Я переживала периоды, когда на меня напали, но я уцелела.

– Ваши тяжелые и печальные романы, например, такие, как “На своей шкуре”, вошли в список бестселлеров. Чем вы можете это объяснить?

– Возможно, на читателя действует притока, с которой я говорю о конфликтах, или моя беззащитность, когда я пишу о них, или необходимость, вынуждающая меня к ним обратиться. Но это моя профессия – разговаривать с читателем именно так.

– Вам легко удается отыскать правильный тон разговора с читателем после того, как нужная тема найдена и обдумана?

– Нет, это очень тяжелая работа. Для одной из книг я написала 54 варианта строк, с которых она должна была начинаться.

– Возможно, ваш успех связан с тем, что читатели знают: в ваших книгах не будет ни откровенных сексуальных описаний, ни сцен насилия. Вы уважаете стыдливость своих читателей?

– Я не верю, что моим читателям удастся уберечься от проблем нашего времени. В “Кассандре” и “Медее” есть грубые и эротические сцены. Но мне совершенно не нравится слово “секс”.

– Почему?

– Для меня любовь – это единство чувства и телесной эротики. Слово

“секс” обозначает что-то другое. Оно мне не нравится – можете считать меня старомодной.

– В 1990 году вы говорили, что боитесь тотального разрушения ГДР и литературы ГДР. Сейчас все изменилось. Можно ли сказать, что вы счастливы? Или боитесь, что все опять может измениться?

– По-разному. Посмотрим, что будет дальше. Такие авторы из ГДР, как Кристоф Хайн, Фолькер Браун, Гюнтер де Бирн, имеют успех. Но при этом практически неизвестен Инге Мюллер, в наше время очень мало читают Макси Вандера. Одна из самых значимых писательниц – Иртрауд Моргнер – практически забыта. Их книги, которые очень важны для духовного развития нашего времени, нельзя откладывать.

– Но такое случается и с хорошими писателями из Западной Германии. И это никак не указывает на распад ГДР.

– Но это его дополняет.

– Похоже, на вас действуют не только фантомные боли по поводу распада ГДР. Еще в 1966-м вы думали о бесконечном конфликте между страстным желанием добиться человечности и неизбежной твердостью, которая нужна, если хочешь добиться своей цели. Смогли ли вы со временем измениться и развить в себе необходимую твердость?

– Я могла сопротивляться против изменений, поскольку писала книги. Возможно, мне повезло, например с моей семьей. Когда дело касалось книг, издательство тоже было удовлетворено. Я всегда спрашивала себя: что произойдет, если отказать от доброжелательного отношения сейчас? И понимала, что нельзя откладывать его на будущее. Если проводить какой-нибудь день здесь и сейчас, нужно попытаться быть справедливым и настоящим человечным, насколько это возможно.

По материалам журнала “Шпигель” подготовила
Ольга РОМАНЦОВА

Крыльцо. – 2003-16-22 окт. – с 15